

ПУТИ ОСОЗНАНИЯ РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ МЕСТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ВСЕМИРНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Наши сегодняшние представления о мировом значении русской классической литературы очень часто опираются на заботливо собранные и систематизированные суждения и исследования зарубежных писателей и ученых. В этом есть своя немалая правда. «Запад очень часто напоминает нам, чем именно мы владеем, мы находим у западных критиков описание наших литературных богатств, которые у нас самих не всякую минуту на перечете», — заметил по этому поводу знаток истории вопроса Н. Я. Берковский¹.

Однако ясно и то, что мировое значение отечественной литературы и ее великих творцов — это самоценное, вполне объективное качество. Феномен мирового значения русской классической литературы не зависит от тех или иных суждений зарубежных писателей и ученых, хотя, конечно, они многое в этом феномене разъясняют.

Суждения иностранцев о русской классике ценны и поучительны именно тем, что они — зоркий и заинтересованный взгляд со стороны, выражают искреннее изумление, восхищение или не менее откровенную неприязнь, в свою очередь порожденные навсегда запоминающейся встречей с самобытным, непривычным художественным миром, отличающимся непонятным, но очевидным совершенством, с инородной духовной ценностью. Здесь имеется множество любопытнейших психологических казусов.

Достаточно вспомнить, например, самый способ суждений английской писательницы Вирджинии Вулф о Чехове. Сначала явное замешательство, непонимание, зачем написаны «эти рассказы ни о чем и обо всем», затем «нужно долго ломать себе голову». И наконец, прорыв к главному смыслу, обнаруживающий совершенно непривычную и отчасти оставшуюся непроницаемой манеру творческой мысли Чехова: «Метод, которому, как кажется нам сначала, свойственны небрежность, незавершенность, интерес к пустякам, теперь представляется результатом изощренно-самобытного и утонченного вкуса, смело отбирающего, безошибочно организующего и контролируемого честностью, равной которой мы не найдем ни у кого, кроме самих же русских»².

Это честное и пронизательное суждение западной писательницы о русском гении, который совсем не заботился о своем мировом значении, проявил непонятное для западного ума пренебрежение к завершенным, «правильным» художественным формам и авторитетным европейским

¹ Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 21.

² Вулф В. Русская точка зрения // Писатели Англии о литературе. М., 1981. С. 285.

традициям и тем не менее неожиданно (для Вулф, разумеется) приобрел всемирную значимость и открыл писателям Европы, Азии и Америки новые горизонты мира и человеческой души, причем открытия эти, как показывает непрерывно растущая литература о Чехове, не устарели и сегодня. Для теоретика международного авангардизма, каковой являлась «учительница писателей» Вирджиния Вулф, поразителен и не до конца понятен феномен чеховского реализма, «русская точка зрения», а следовательно, не видна ей и центральная дорога русской классической литературы, приведшая к Чехову.

Очевидно, что метод, здесь описанный, не является только индивидуальной особенностью Чехова и выработывался столетиями. В нем отразилось национальное своеобразие русской классической литературы, породившей Чехова. У этой самобытности есть свои капитальные принципы, оформившиеся уже в творчестве Пушкина и Гоголя. Ясно, что принципы эти начинают складываться задолго до появления Пушкина и Гоголя на литературной сцене. Классическая русская литература — результат тысячелетнего развития отечественной культуры, ее вершина, однако прямой и скорый путь к этой вершине начинается в XVIII столетии.

Проблема участия русской литературы в мировом литературном процессе возникает как одно из главных следствий государственных петровских реформ начала XVIII столетия.

Писатель Николай Карамзин, отделенный от этого революционного переворота в судьбах страны и ее культуры всего лишь несколькими десятилетиями, так его описал: «Когда Петр Великий сорвал завесу, скрывавшую от наших взоров жизнь цивилизованных народов Европы и успехи их искусств, тогда русский человек, униженный сознанием своей отсталости, но чувствующий, что он способен обучиться, захотел подражать иностранцам во всем — в образе жизни и в платье, в обычаях и искусствах; он переделал свой язык на манер и подобие немецкого и французского, и поэзия и словесность наши превратились в отзвук и отражение чужеземных поэзий и словесности»³. В русской истории и культуре наметился великий, дотоле небывалый разлом. «Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки», — отметил Карамзин⁴.

Литература Древней Руси и ее язык были отброшены вместе со старыми формами государства, общественной и домашней жизни, то же произошло и с фольклором. «Рождалась новая словесность, отголосок новообразованного общества... В общем презрении ко всему старому, народному, включена и народная поэзия, столь живо проявившаяся в грустных песнях, в сказках (нелепых) и в летописях», — писал Пушкин⁵. У новообразованной русской литературы сразу же обнаруживаются общеевропейские ориентиры, цели и образцы для подражания. И прежде всего ею принят общий для всех европейских литератур классический идеал — античность, понимаемая в тогдашней России по-своему.

Очевидна вся сложность этого длительного процесса. «Петр создал войско, флот, науки, законы, но не мог создать словесности, которая

³ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 58—59.

⁴ Там же. С. 144—145.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 7. С. 448.

рождается сама собою, от своих собственных начал», — заметил Пушкин⁶. Образовавшееся «зияние» не могли заполнить неуклюжие «гиштории», вирши, кантемировские сатиры, подражания и переводы Тредиаковского, и здесь начинается удивительное сосуществование и взаимопроникновение старых и новых художественных идей и форм, руководимое мыслью о том, что Россия теперь великая европейская держава.

Успехи военные, политические и культурные, выдвинувшие Россию в первый ряд мировых держав во второй половине XVIII в., этому направлению умов только способствовали. «С Петра, едва смея считать себя людьми и всего менее считая себя европейцами, русские вдруг почувствовали себя не т<олько> людьми, но и чуть не первыми людьми в Европе», — писал историк В. О. Ключевский⁷, и филологические идеи В. К. Тредиаковского, «государственная» одическая поэзия Ломоносова и Державина, попытки М. Хераскова создать национальную героическую эпопею и прозаический роман подтверждают справедливость этой мысли. В русской поэзии и прозе того времени часто встречается характерный образ: музы переселяются в Россию, превращаясь в один из главных культурных центров Европы.

Конечно, этот просветительский пафос все время сталкивается с конкретной исторической реальностью и существенно меняется, ибо в русской культурной жизни, помимо всеобщей европеизации, живут иные начала и тенденции, существует власть прошлого, предания. Старая литература отнюдь не уничтожена, она сохраняется в сочинениях церковных писателей и у книжников прежней формации, прячется в архивах и библиотеках монастырей, откуда ее позднее, в начале XIX в., извлекут, издадут, а затем серьезно изучат и с фактами в руках подтвердят мировое значение древнерусской литературы, с чем согласится вся просвещенная Европа. Церковнославянский язык также не отброшен: на нем по-прежнему пишут, печатают, читают и преподают, он жив и обогащает литературу на протяжении двух веков. Новая литература европейского образца, в свою очередь, рождается не на пустом месте, она пользуется многими прежними формами и традициями, и прежде всего языком, который обновляется стремительно, вбирая в себя словесную пестроту наречий тогдашней Европы, и тем не менее хранит древнюю, к античности восходящую основу. Весь этот материал находится в непрерывном движении, критически осваивается и переосмысливается, прилагается русскими писателями к своим целям и новым общественным условиям, однако надо всем пока первенствует желание наших писателей стать просвещенными, равноправными членами европейского культурного сообщества, догнать мировую цивилизацию. И с этой целью В. Тредиаковский становится студентом парижской Сорбонны, а молодой Ломоносов отправляется в немецкий университет.

Однако на этом пути русских писателей, помимо ценных приобретений в сфере духа и культуры, ждали и разочарования. Мировой литературы в том смысле, как позднее понимал ее Гёте, еще не существовало, а царствовавшая тогда в Европе эстетика классицизма, с ее главенствующей

⁶ Там же. С. 368.

⁷ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 240—241.

идеей единой нормы и идеального образца, примера для подражания, не способствовала возникновению равноправного содружества самоценных национальных литератур. «От Лондона до Петербурга, где русская литература начинала выходить из младенчества, и от Парижа до Неаполя, где в ту пору преклонялись перед нашими «философами», все понимали почти одинаково цель, роль и назначение литературы», — писал о литературе XVIII в. французский критик Ф. Брюнетьер⁸.

Идеалы века Просвещения были внеисторичными, абстрактными, логически определенными канонами и истинами, не знающими национальных границ. «Разум одинаково принадлежит всем временам. Он говорит на всех языках и может обитать в любой стране. Способность суждения у греков — та же, что у итальянцев», — уверенно писал теоретик классицизма Ипполит ле Ла Менардьер⁹.

В XVIII в. великими учителями европейских писателей и читателей были Вольтер и энциклопедисты, незыблемыми канонами общеевропейской литературы — драмы Корнеля и Расина, учебником писателей — «Поэтическое искусство» Буало и «Лицей» Лагарпа. Юная русская литература в начале своего пути могла только тянуться к этим четко обозначенным мировым вершинам, переводить и подражать, чем она и занималась усердно со времен Петра Первого до середины XVIII в. И здесь ею было немало достигнуто, чему способствовал и нарастающий поток переводов сочинений западных писателей.

Даже суровый противник подражания европейским нравам и обычаям М. М. Щербатов вынужден был признать: «Если, вступая позже других народов в путь просвещения, нам ничего не оставалось более, как благо-разумно последовать стезям прежде просвещенных народов, — мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей»¹⁰. Новая русская литература довольно быстро отвечает на требования общеевропейского литературного вкуса. Так, например, знаменитый роман о куртизанке английского писателя Д. Дефо «Молль Флендерс» и оригинальное русское произведение того же жанра и на ту же тему — «Пригожую повариху» М. Д. Чулкова разделяют почти полвека, что не так уж много, если учесть неразвитость русского литературного языка и прозаического повествования. Все лучшие русские писатели XVIII в. проходят школу мировой литературы: «Все сии писатели обогатились мыслями в прилежном чтении иностранных авторов, иные древних, другие новейших, и запаслись обильною жатвою слов в наших старинных книгах»¹¹.

Однако путь этот был слишком серьезен и труден, чтобы идти по нему безоглядно. В русской литературе уже в 30-е годы XVIII в. возникает мысль об отборе образцов. Сама эта мысль предполагала идею самобытного пути, свою цель. Идея национальной самобытности, народности уже

⁸ Брюнетьер Ф. Европейская литература XIX в. М., 1900. С. 3.

⁹ Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 312.

¹⁰ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России; Чаадаев П. Я. Философические письма. Апология сумасшедшего. М., 1908. С. 9.

¹¹ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 14.

ощущалась лучшими русскими писателями как близкое и желанное будущее.

Характерно, что одним из первых ее высказал учившийся в Германии Ломоносов. В 1739 г. в немецком городе Фрейберге он написал знаменитое «Письмо о правилах российского стихотворства», где ясно сказано: «Понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать»¹². Помимо идеи отбора лучшего здесь есть понимание преемственности, мысль о своем «хорошем», которого нельзя оставить, с замечательной ясностью развитая позднее в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758). Вся дальнейшая научная и литературная деятельность Ломоносова служила достижению этих обозначенных им целей. Одной из центральных задач ученого стало создание из разнородных и пестрых словесных стихий самобытного и богатого русского литературного языка — основы будущей национальной классической литературы. При этом используется исторический опыт западноевропейских литератур, и прежде всего немецкой.

Однако смысл ломоносовского предупреждения в ту эпоху построения новой литературы не был правильно понят. Писатели шли к самобытному творчеству через перевод, подражание («преложение на свои нравы») и не знали иных образцов, нежели античные и французские. Инерция идей классицизма была велика, и тогдашняя критика пользовалась в основном методом механических аналогий. Ломоносова смело именовали российским Пиндаром и Малербом, Фонвизина — русским Буало и т. п. Есть замечательное произведение — поэма, или, что точнее, история русской литературы XVIII в. в стихах, А. А. Палицына «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени» (1807). Там собраны все титулы русских писателей — наш Пиндар (Ломоносов), наш Софокл (Сумароков), наш Гомер (Херасков), наш Анакреон (Державин), наш Лафонтен (Богданович) и т. д.

Русская литературная мысль еще не овладела представлением о мировой литературе как о сложнейшем организме, развивающемся по особым законам в пространстве (география) и во времени (история). Ею руководили механические идеи просветительской философии, согласно которым чем больше просвещения — тем лучше, и страна, достигшая на этом пути высот, сравнивается с древними Грецией и Римом, а ее писатели — с Гомером и Вергилием. Не случайно Пушкин позднее решительно отвергал этот неисторичный способ «возвышения» и объяснения русских писателей в понятиях и терминах европейской литературы: «Если Ломоносова можно назвать русским Беконом, то это разве в таком же смысле, как Хераскова называли русским Гомером. К чему эти прозвища? Ломоносов есть русский Ломоносов — этого с него, право, довольно»¹³.

Этот метод сравнений-аналогий, использовавшийся тогда для введения русских писателей в общеевропейский культурный контекст, показывает, что вхождение русской литературы в мировую культуру мыслилось пока в соответствии с канонами эстетики классицизма, как воспитание «соб-

¹² Русская литературная критика XVIII в. М., 1978. С. 26.

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 443.

ственных Платонов» и Лафонтенов по утвержденным этой эстетикой образцам. Пусть этот путь резко и основательно критиковался Щербатовым, Фонвизиным и другими «староверами», высмеивался в сатирах на «русских французов» и в «Чужом толке» И. И. Дмитриева, где к бездарному одописцу-подражателю и его методу применено острое словечко «пиндарил», — он все же был в ту пору единственным.

Другое дело, что русская литература, развиваясь, постоянно сама вносила в это развитие серьезные поправки. Об этом думал Ломоносов, писал Фонвизин, однако лишь Карамзин со всей ясностью сказал, что на этом пути можно успешно обучиться ремеслу, литературной технике, но нельзя обрести творческую, национальную самобытность: «Кто без творческого духа хочет быть поэтом или скоро обработать дарования свои по хорошим образцам, тот может кратчайшим путем достигнуть до того через прилежное чтение новейших поэтов — итальянцев, французов и англичан»¹⁴.

Сам Карамзин пришел к этой идее долгим и непростым путем, побывав в школе европейской литературы, в главных ее центрах — Германии, Франции и Англии накануне Великой французской революции, изменившей лицо мира и движение творческой мысли и ускорившей обращение русских писателей к идее национальной самобытности, к историческим корням своей литературы. Стоит отметить, что интерес к древнерусской литературе и истории становится в эту пору характерен и для иностранных ученых и литераторов, писавших о России — И. Бакмейстера, П. Левека, Н. Леклерка, Г. Шторха¹⁵. Однако прежде чем обратиться к идее возрождения национальных корней новой отечественной культуры, молодой Карамзин отдался идеям просвещенного европеизма.

Русский писатель в идеале представлялся тогда «русским европейцем», по меньшей мере равным своим западным учителям. Вершиной, наиболее полным отражением этой идеи стала книга Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». Эта книга запечатлела путь молодой русской литературы к сокровищам европейской цивилизации.

Для русских читателей «Письма русского путешественника» были, помимо всего прочего, глубоко символической книгой. Вся новая русская литература виделась ими в образе ее автора. Недаром Карамзин сравнивал себя с путешествовавшим по Древней Греции молодым любознательным скифом Анахарсисом, гербем популярного тогда романа французского писателя Бартеlemi. Этот молодой «русский европеец» вполне просвещен, владеет всем богатством знаний античности и новой Европы, он почтителен, но не подобострастен, всегда готов учиться, но уже говорит со знаменитыми писателями Запада на равных.

Путешественник Карамзина — это уже просвещенный «гражданин мира», а книга его справедливо воспринималась в тогдашней России как своеобразный учебник всемирной литературы (в литературе русских путешествий это стало традицией — см. «Письма об Испании» В. П. Боткина и др.). Карамзин дал здесь весьма верную и подробную картину мирового литературного процесса. Наряду с французской литературой,

¹⁴ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. С. 33.

¹⁵ См.: Грасгоф Х. Россия второй половины XVIII в. в оценке иностранцев // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

традиционно задающей тон, здесь показаны две новые самостоятельные культурные силы — английская и немецкая литературы. Причем эти разнородные культурные стихии борются и в этой плодотворной борьбе обогащают друг друга, создавая совсем иное, нежели в эпоху классицизма, духовное единство Европы. Карамзин показывает, что смысл этой диалектики художественного мышления — борьба новых литератур за национальное своеобразие. А это уже совсем иная, нежели неподвижные каноны классицизма, идея.

В изображении Карамзина английская литература первенствует в обращении к национальному преданию, плодотворном соединении творчества с обыденной жизнью и новом понимании роли писателя — общественного деятеля, политического мыслителя и самоценной, оригинальной личности. В своих произведениях, и прежде всего в романе, она смело говорит о самобытных характерах и независимом образе жизни и мыслей своих сограждан, чему способствует свобода частной жизни, гарантированная парламентом и законом. Карамзин, соединяя идею литературы с законами общественной общенациональной жизни, пишет: «Эта неограниченная свобода жить как хочешь, делать что хочешь во всех случаях, не противных благу других людей, производит в Англии множество *особенных* характеров и богатую жатву для романистов. . . Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своих романов, а только примечать и описывать. . . Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как *историю жизни*»¹⁶. Английская литература, по мнению Карамзина, уже учит и тех самых французов, которым еще поклоняются по инерции многие русские писатели, она уже впереди в общеевропейском литературном процессе, и этому способствует само участие в этом процессе «дикого» гения Шекспира, ставшего в XVIII в. знаменем новых творческих сил (сам Карамзин перевел в 1786 г. трагедию «Юлий Цезарь» и снабдил свой перевод предисловием) и способствовавшего крушению старых канонов позднего просветительского классицизма.

Немецкая литература в «Письмах русского путешественника» выглядит более молодой и философичной, нежели английская, борется за самостоятельность, обращается к собственным историческим корням, творит свой язык и потому ближе к русской. Карамзин встретился с такими ее выдающимися представителями, как Гердер и Виланд, рассказал в своей книге о великом философе Канте и немецкой эстетике, о Шиллере и Гёте. В отношении тогдашних немецких писателей к иностранным литературам он отметил главное — их историзм: «Гомер у них Гомер, та же искусственная, благородная простота в языке, которая была душою древних времен, когда царевны ходили по воду и цари знали счет своим баранам»¹⁷.

Особенно важны в этом отношении беседы Карамзина с философом и историком Гердером, основоположником сравнительного изучения литератур¹⁸. Гердер, рассматривая развитие мировой культуры как истори-

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника: Повести. М., 1980. С. 523, 503.

¹⁷ Там же. С. 118—119.

¹⁸ См.: Данилевский Р. Ю. И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Л., 1980.

ческий процесс, показал мировую литературу как целостный, диалектически развивающийся организм, где каждая литература обретает свое место и вносит свой вклад в общее движение. Этот гердеровский сравнительный метод изучения литератур близок русскому писателю, согласно его принципам и построены «Письма русского путешественника». Определена Карамзиным и та основа, на которой национальные культуры могут соединиться в единую мировую — просвещение, повсеместное развитие наук и искусства: «Законы разума всенародно возглашаются, и просвещение более и более распространяется — просвещение, которого одна искра может осветить бездну заблуждений»¹⁹. Через три десятилетия Гёте выскажет сходную мысль, заговорив о рождении мировой литературы в процессе сближения национальных культур.

Показав развитие мировой культуры как процесс, Карамзин выступил пропагандистом новой русской литературы в странах Европы. В своих разговорах с западноевропейскими учеными и писателями автор «Писем русского путешественника» указал на новую национальную литературу, уже входящую в круг литератур Европы. Ему не верили, но путешественник читал своим слушателям русские стихи, писанные разными размерами, и их очевидная гармония заставила одного немецкого писателя сказать: «Может быть, придет такое время, в которое мы будем учиться и русскому языку; но для этого надобно вам написать что-нибудь превосходное»²⁰.

Через три десятилетия справедливость этого смелого предположения подтвердили Ф. фон Энзе, Г. Кениг, П. Мериме, Д. Бауринг, К. фон дер Борг, К. Яниш-Павлова и другие переводчики, сделавшие лучшие произведения наших писателей, и прежде всего творения Пушкина, доступными европейским читателям и подтвердившие их принадлежность к мировой литературе. Но в эпоху Карамзина само появление в Западной Европе писателей, специализирующихся на популяризации и переводах русской литературы, представлялось невозможным, хотя к тому времени уже были переведены сатиры Кантемира и «Бог» Державина.

Очевидно, что, восприняв немецкий историзм и метод сравнительного изучения литератур, Карамзин тем не менее продолжает отстаивать свою позицию просвещенного «русского европейца», «гражданина вселенной». Он доказывает своим западным собеседникам, что успехи просвещения в России так велики, что делают молодую русскую литературу вполне европейской, хотя и не имеющей пока мирового значения.

Деятельность Карамзина в отечественной литературе и журналистике после возвращения из путешествия по Европе и состоит в основном в весьма целеустремленной работе по европейской ориентации молодой

¹⁹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника: Повести. С. 115.

²⁰ Там же. С. 82. Отметим, что по следам Карамзина поэт К. Н. Батюшков написал сцену «Вечер у Кантемира» (1816), где русский поэт и дипломат доказывает французскому писателю Монтескье, что в России есть уже литература и что она скоро войдет в круг общеевропейский, станет достойной частью мировой литературы: «Чего же хотите от нас в столь короткое время? Успехов ума, успехов в науках отвлеченных, в изящных искусствах, в красноречии, в поэзии? — Дайте нам время, продлите благоприятные обстоятельства, и вы не откажете нам в лучших способностях ума» (Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 43).

русской литературы, в изменении роли писателя в обществе по английскому и немецкому образцам, в европеизации литературного языка, в создании и воспитании отечественной читающей публики. В этом отношении он — наследник эпохи Просвещения.

Известно, насколько плодотворна была эта деятельность, как много сделали Карамзин и его последователи для русского просвещения, для придания отечественной литературе общеевропейских культурных форм. Однако многое в этой деятельности встречает у русских писателей решительный отпор, и позднее сам Карамзин отказывается от многих своих принципов «русского европеизма» и поворачивает к национальной истории, требует в литературе самобытности и отечественных идеалов и тем.

Сами успехи просвещения в России, столь любезные Карамзину, резко критикуются многими русскими писателями. Если памфлет М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» наивен в своих нападках на мотовство, сластолюбие и безнравственность русского двора и дворянства, то позднейшие «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина последовательны, глубоки и беспощадны в своем критицизме, показывают социальные пороки просвещенной Франции и исчерпанность литературы позднего просветительского классицизма. Белинский чутко уловил историческую соотнесенность и полемику книг-путешествий Карамзина и Фонвизина: «Его письма к вельможе из-за границы, по своему содержанию, несравненно дельнее и важнее „Писем русского путешественника“»²¹. По жанру своему книга Фонвизина, как и сочинение Щербатова, — памфлет, который, помимо всего прочего, обнажает недостатки и тупики одного из главных путей европейского исторического и литературного развития. С точки зрения автора «Писем из Франции», французская литература — не тот образец, которому стоит подражать, она, как и общество гнущего феодального королевства, накануне своего падения. У России и ее молодой литературы иной путь. Не случайно с этими мыслями Фонвизина позднее решительно соглашается зрелый Пушкин, делая пометы на полях биографической книги П. А. Вяземского об авторе «Недоросля»²².

Еще более резкая критика западноевропейской литературы содержится в романах и памфлетах русских писателей-масонов²³. Основа, которая предлагалась для единения культур и литератур народов Европы — просвещение, — решительно отвергалась русскими масонами. Их критика философов-энциклопедистов и писателей просветительского круга несравненно беспощаднее инвектив «Писем из Франции» Фонвизина, и эта резкость суждений еще более усилилась после Великой французской революции, вождей и идеологов которой масоны называли кровожадными тиграми.

Но остановить общеевропейское просвещение и историю масонам не удалось, и их консервативная утопия осталась утопией.

²¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 119.

²² См.: Сахаров В. И. Логика культуры и судьба таланта // Вопр. лит. 1980. № 9. С. 183—184.

²³ См.: Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 229—235.

Если критику европейского Просвещения и рождающейся на его основе мировой литературы, содержащуюся в книгах М. Щербатова, Фонвизина и писателей-масопов, с теми или иными оговорками можно признать в целом консервативной, то оценка литературных позиций Карамзина эпохи «Писем русского путешественника» велась московским кружком его молодых учеников с передовых идейно-эстетических позиций. Кружок этот, именовавший себя Дружеским литературным обществом и возглавлявшийся Андреем Тургеневым, А. Ф. Мерзляковым и Жуковским, знаменует собой новое явление в национальном литературном процессе²⁴. Это — прообраз новой русской литературы первой трети XIX в., откуда вышли писатели-декабристы, романтики-любомудры и «школа гармонической точности» Жуковского и его последователей.

В идеях Дружеского литературного общества отразились те поистине грандиозные перемены в духовной жизни России и Европы, произошедшие после английской промышленной революции, французской политической революции и начала изменивших карту мира наполеоновских войн. В результате всех этих перемен и стала возможна концепция мировой литературы Гёте.

Именно в эту знаменательную эпоху всеобщих перемен юные ученики Карамзина начинают решительную переоценку его концепции национальной и всемирной литератур, их взаимоотношений. Весь интерес молодых писателей постепенно сосредоточивается на отечественной изящной словесности и месте писателя в русском обществе. Здесь они не могли пройти мимо «Писем русского путешественника» с их идеей писателя — «гражданина вселенной», следования всеевропейскому просвещению и литературе. Как бы отвечая Карамзину, глава Дружеского литературного общества Андрей Тургенев говорил: «Нельзя быть гражданином вселенной, не будучи патриотом»²⁵. Этот закон общественной мысли распространяется теоретиками кружка и на сферу литературы.

Главный упрек участников общества современной им русской литературе — это упрек в подражательности, безоглядном следовании европейским образцам, забвении национального своеобразия. Именно поэтому наша национальная литература не может пока стать равноправной в кругу литератур Западной Европы. «Есть литература французская, немецкая, английская, но есть ли русская?» — вопрошал Андрей Тургенев²⁶, и в этих словах выражена надежда нового поколения русских писателей ввести в ряд европейских литератур вполне самобытную национальную словесность России.

Андрей Тургенев и его друзья начинают эту борьбу за самобытность отечественной литературы, включавшую в себя поворот к гражданским мотивам, национальному преданию, истории и фольклору.

Конечно, здесь у них были и предшественники, и в частности несправедливо забытый писатель конца XVIII в. Н. П. Николев, потребовавший

²⁴ См.: История романтизма в русской литературе. М., 1979. Вып. 1. С. 89—98.

²⁵ Лит. наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 335. Примечательно, что позднее сам Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811) согласился с этим мнением своего ученика.

²⁶ Тургенев А. И. [Речь о русской литературе] // Литературная критика 1800—1820-х гг. М., 1980. С. 44.

сделать саму классицистскую категорию всеобщего вкуса относительной, конкретной, имеющей исторический смысл: «Другое есть то, которое зависит от нравов, обыкновений и законов каждого народа собственно: и от сего-то *праведного-художественного* родился *вкус*, названный *вкусом народным*, по которому судим мы о произведениях ума всех народов мира разнообразным суждением. Сие-то есть причиною тому, что мы отличаем поэзию *греческую* от *французской*, *французскую* от *китайской*, *китайскую* от российской и сему подобное. Ибо хотя *праведное-естественное*, яко самовластная истина, для общего образца и пребывает во всех сердцах равносущно; но мы, различающиеся целыми народами по нравам, обычаям и законам, не можем уже судить себя по оной всеобщей истине, а судим и узнаем по истине частной, по *праведному-художественному*, каждый народ особо отличающему»²⁷. Здесь есть уже взгляд русского писателя на мировую литературу как на соединение разных по своей природе и периодам развития национальных литератур и попытка выработать критерии для постижения этих различий. Дальнейшим развитием этой идеи и были теоретические выкладки участников Дружеского литературного общества.

Однако у Андрея Тургенева и его друзей помимо предшественников имеются и последователи, развившие идеи кружка в новой исторической обстановке. Здесь мы можем, конечно, назвать имена А. Ф. Мерзлякова, Жуковского с его огромной работой по изучению западной культуры, Батюшкова и Гнедича. Но есть еще один писатель, на свой лад продолживший работу, начатую в заседаниях Дружеского литературного общества. Это все тот же Карамзин, но уже не «русский европеец», автор писем о Европе и ее культуре, а историк и филолог, обратившийся к древнерусским летописям и поставивший новонайденное «Слово о полку Игореве» рядом с сочинениями старинных западноевропейских писателей.

В начале XIX в. Карамзин осознает мировую литературу как новую и весьма серьезную общественную силу, поставляющую идеи, овладевающие народными массами: «Если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе»²⁸. С этой точки зрения русский писатель иначе видит развитие новой отечественной литературы в XVIII в. и ее будущее, ее место в контексте национальной и мировой культуры.

Карамзин отчасти готов принять мысль Андрея Тургенева: «У нас нет литературы». Во всяком случае, он признает: «Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли»²⁹. Карамзин согласен и с критикой подражательности, засилья в отечественной литературе XVIII в. западных влияний: «Мы взглянули, так сказать, на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее. . . Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!»³⁰

²⁷ Русская литературная критика XVIII в. С. 334.

²⁸ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. С. 76.

²⁹ Там же. С. 102.

³⁰ Там же. С. 95, 97.

Однако Карамзин заговорил и о другом — о самобытности древней русской литературы и о создавшем ее творческом разуме народа, который движет вперед и новую словесность послепетровской эпохи и «не ждет иногда наук и просвещения, летит и блеском своим озаряет пустыни»³¹. Новая русская литература уже есть, и ее успехи признаны на Западе: «Давно ли знаем, что такое слог в стихах и прозе? и можем в некоторых частях уже равняться с иностранцами. У французов еще в шестом-надевятом веке философствовал и писал Монтань: чудно ли, что они вообще пишут лучше нас? Не чудно ли, напротив того, что некоторые наши произведения могут стоять наряду с их лучшими, как в живописи мыслей, так и в оттенках слога? Будем только справедливы, любезные сограждане, и почувствуем цену собственного»³².

Новая русская литература, по мнению Карамзина, уже участвует в мировом литературном развитии, идя к общим целям «путем своего века»: «Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут; читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения. . . А кто рожден с избытком внутренних сил, тот и ныне, начав подражанием, свойственным юной слабости, будет наконец *сам собою* — оставит путеводителей, и свободный дух его, как орел дерзновенный, уединенно воспарит в горних пространствах»³³.

Таковы были пророчества Карамзина, вскоре исполнившиеся (напомним, что учениками историографа были не только Жуковский и Батюшков, но и молодой Пушкин). Однако нужны были великие события Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии и возникновение новых культурных сил, чтобы движение по этому пути резко ускорило и принесло плоды, способствуя расцвету национального самосознания и рождающейся из этого самосознания литературы русского романтизма.

В эпоху расцвета русского романтизма, приходящуюся на 1820—1830-е годы, значительно усиливается сближение национальных литератур. Русская литература здесь не исключение: в ней резко возрастает количество переводов и вольных подражаний, возникают личное знакомство и переписка русских писателей с зарубежными собратьями по перу. Именно в эти годы русская литература становится широко известна на Западе, в 1830-е годы там все чаще переводят русских писателей.

Очевиден взаимный интерес писателей Европы и России. На Западе появляются не только статьи, но и такие обзорные книги, как «Очерки русской литературы» немецкого писателя и переводчика Г. Кенига, а у нас переводят и дважды издают «Историю древней и новой литературы» немецкого теоретика романтизма Ф. Шлегеля и создают свои первые очерки мировой литературы («О романтической поэзии» О. Сомова, «Размышления и разборы» П. А. Катенина, статьи Н. А. Полевого, работы С. П. Шевырева и Н. И. Надеждина и др.). Русская литература

³¹ Там же. С. 144.

³² Там же. С. 96.

³³ Там же. С. 145.

осознает себя равноправной участницей общеевропейского литературного процесса и стремится постичь его историческую динамику и закономерности.

Символами передовой европейской литературы становятся для русских писателей два великих творца той эпохи — Гёте и Байрон. Для русских литераторов это были два главных ориентира, определивших две дороги мирового литературного развития. Но если Байрон важен для понимания духовного мира романтически настроенной творческой личности, то Гёте стал символом всеобщего движения к глубинам духа и мировой культуры. Не зная его размышлений о мировой литературе, русские романтики угадывали эти общечеловеческие идеи в «Фаусте», и их переводы этого произведения Гёте подтверждают устойчивость интереса наших писателей к самому уровню и направлению размышлений немецкого писателя.

Для русских писателей-романтиков первой трети XIX столетия их старший современник Гёте был прежде всего олицетворением универсального синтеза, всеобъемлющим гением, способным на языке классического искусства высказывать идеи общечеловеческого, мирового значения. В России той эпохи хорошо знали и переводили историко-литературные сочинения немецкого романтика Фридриха Шлегеля, который подчеркивал в своем великом соотечественнике именно эту черту: «Универсальность Гёте явилась тихим отблеском поэзии всех времен и народов»³⁴.

Именно поэтому мысль Гёте о мировой литературе так близка духовным исканиям русских романтиков. Мысль эта в знаменитой записи 1827 г., сделанной секретарем Гёте Эккерманом, выглядит следующим образом: «Национальная литература сейчас не много стоит. Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать тому, чтобы ускорить появление этой эпохи. Но и при таком высоком признании иностранного мы не должны задерживаться на чем-либо особенно и считать его образцом... Потребность в высоких образцах все снова и снова приводит нас к античным грекам — именно в их произведениях воплощен прекрасный человек. Все остальное следует рассматривать лишь исторически, по мере возможности усваивая все то хорошее, что в нем заключается»³⁵. Посмертно опубликованные «Общие размышления о мировой литературе» Гёте лишь дополняют эту мысль немецкого писателя.

Однако есть и другого рода комментарии к идее Гёте о мировой литературе. У этой многосмысленной идеи имеется и весьма примечательный русский контекст. Сходные мысли Гёте не раз высказывал в своих беседах с русскими писателями-романтиками, посещавшими его в Веймаре. Стоит напомнить также, что идею о мировой литературе автор «Фауста» высказал тогда не единственный и даже не первый. Задолго до него над этой идеей задумывались русские писатели, стоявшие у истоков отечественной литературы романтизма. Мы уже говорили о мыслях на этот счет Карамзина и его учеников, но есть и другие примеры.

Еще в начале 1820-х годов поэт и переводчик Николай Гнедич, этот

³⁴ Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 198.

³⁵ Эккерман И. П. Разговоры с Гёте... М.; Л., 1934. С. 348.

характерный деятель русского предромантизма и учитель романтиков-декабристов, в «Записной книжке» высказал схожую мысль: «В настоящее время, когда народы европейские, по непрерывным сношениям и сближениям своим, сливаются, так сказать, в одну нацию, народ, одаренный чувствами сильными и характером мощным, едва ли в состоянии образовать литературу своеобразную, литературу истинно национальную, а особенно если он с самого возрождения общества и литературы, направленный правительством и писателями, всегда и исключительно предпочитает язык чужой и поклоняется образцам иноземным»³⁶. Здесь есть уже представление и о национальной и мировой литературе, однако эти понятия оцениваются русским писателем иначе, нежели в размышлениях Гёте.

По-иному определены Гнедичем и задачи, и мировое значение национальной литературы. Ибо у Гнедича речь идет, разумеется, о русском народе, который должен иметь самобытную литературу и которому мешают ее иметь неразработанность собственного литературного языка и подражание западноевропейским литературам. Русская эстетика той поры не могла позволить себе то явное пренебрежение к национальной литературе, которое сквозит в мысли Гёте. Ее капитальная идея совсем другая: сначала надо общими усилиями создать в России подлинно самобытную национальную литературу, а потом уже выходить с ней на мировую арену.

Этим и занялись в первую треть XIX в. русские романтики, которые при этом вовсе не стремились отгородиться высокой стеной от более развитых литератур Запада.

Достаточно напомнить примечательную характеристику многосторонней и энергичной деятельности писателя и критика Николая Полевого, издателя романтического журнала «Московский телеграф», данную Аполлоном Григорьевым: «Статьи о Гёте, о Байроне и других корифеях современной тогдашней литературы, ознакомление читателей с судьбами литератур романских, культ Шекспиру, Данте и прочее... переводы Гофмана, разборы всего нового в юной французской словесности, смелое благоговение перед Гюго, наконец, возможные толки о государственных устройствах цивилизованных народов и посильные, положим, хоть и по Кузену, толки о Канте, Фихте, Шеллинге и Гегеле; перехват всякой новой живой мысли, сочувствие всякому новому явлению в жизни и искусстве, азартное увлечение всяким новым мировым явлением — вот что такое „Телеграф“»³⁷. То же делали журналы романтиков-любимудров «Московский вестник» и «Московский наблюдатель», «Телескоп» Н. И. Надеждина.

Это была просветительская деятельность, открывшая перед русскими писателями и читателями все основные течения мировой литературы, ее географию, прошлое и настоящее, давшая отличные переводы основных ее памятников — от «Илиады» и «Одиссеи» Гомера до стихотворений и поэм Байрона и Гёте, романов Вальтера Скотта, прозы Э. Т. А. Гофмана и Л. Тика, эстетических работ братьев Шлегелей, Шеллинга и Гегеля.

³⁶ Тиханов П. Н. Николай Иванович Гнедич. СПб., 1884. С. 58.

³⁷ Григорьев Ап. Воспоминания. Л., 1980. С. 52. Отметим, что то же говорил о деятельности Полевого-критика Белинский в статье «Русская литература в 1844 году».

Эта всеобъемлющая деятельность русских романтиков показывает, что мировую литературу они понимали как школу. Об их методе работы с классическими идеями литератур Запаदा и Востока лучше всего сказал именно Гёте, писавший в своем отклике на перевод романтиком-любомудром С. П. Шевыревым его «Елены», что русский переводчик стремится *усвоить себе* переводимое произведение. Легко заметить, что это метод поэтов-переводчиков Жуковского и И. И. Козлова, а затем и Пушкина, воспринятый и такими «переводчиками идей», как П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский и И. В. Киреевский. Они сделали идеи и образы мировой литературы фактом литературы отечественной.

Не совсем ясно отношение самого Гёте к процессу срастания национальных литератур в литературу мировую. Казалось бы, это вопрос чисто риторический: великий немецкий писатель призывает всех, и в том числе своих русских собеседников и корреспондентов, этому процессу способствовать. Однако Гёте лучше других видел и отрицательные последствия этого сложнейшего процесса. Характерно, что свое непростое отношение к современной ему литературной эпохе он высказал в 1831 г. именно русскому своему посетителю, члену общества любомудров А. И. Кошелеву: «Гёте жаловался на то, что политика и реализм убивали всякую изящную литературу и искусство»³⁸.

Легко заметить, что та же мысль содержится в статьях другого русского визитера Гёте, друга Кошелева, известного критика-романтика Ивана Киреевского, писавшего в нашумевшей статье «Девятнадцатый век» (1832) о слиянии национальных литератур в одну общеевропейскую и об утрате ими классического начала, присущего именно произведениям зрелого Гёте, об исчезновении «истинных поэтов», падении романного жанра и рождении «уродливых талантов», подчинивших высокую литературу требованиям минуты. Кстати, именно Киреевский, сам того не ведая, объяснил причину жалоб великого немецкого поэта на непоэтический век: «Гёте был всеобъемлющий, величайший и, вероятно, последний поэт жизни индивидуальной, еще не сопроникнувшей в одно сознание с жизнью общечеловеческой»³⁹.

Отметим, что Киреевскому позднее довелось увидеть окончательное оформление и становление мировой литературы, о чем он писал в 1845 г.: «В теперешнюю минуту все словесности сочувствуют друг другу, сливаются, так сказать, в одну общеевропейскую литературу»⁴⁰. И в то же время именно И. В. Киреевскому принадлежит мысль о том, что это единство имеет внутри себя некие непреодолимые границы, порожденные разной природой национальных культур. Эти идеи русского мыслителя также уточняют мысль Гёте о мировой литературе, указывая на всю сложность этой проблемы, и поныне далекой от окончательного решения⁴¹.

И наконец, вспомним, что, говоря о рождении мировой литературы, Гёте совсем не случайно упомянул о высоких образцах прекрасного, о классическом идеале, находя его только у античных греков. В сущности,

³⁸ Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 37.

³⁹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 122.

⁴⁰ Там же. С. 146.

⁴¹ См.: Сахаров В. И. От «движущейся эстетики» к литературной теории // Контекст, 1980. М., 1981.

это оценка великим писателем современной ему литературы, и оценка в целом отрицательная. Однако русские писатели романтической эпохи с таким выводом Гёте согласиться никак не могли. Для них высокая классика не только позади, в античности, но и *рядом*, в классической поэзии самого Гёте, упорно ими переводимой, и в то же время *впереди*, в весьма близком будущем, она достижима. Наши романтики понимали ее как *русскую* классику. Не случайно именно певец Гёте романтик Баратынский сказал:

Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал.

К этому гармоничному идеалу литература русского романтизма стремилась сквозь любой хаос, в том числе и свой собственный, ибо сама хотела достичь высот классики. Результаты этой деятельности общеизвестны. Отчасти был знаком с ними и Гёте, уже знающий о Пушкине и его поэзии по переводам и разговорам с русскими писателями.

Конечно, немецкий поэт не мог тогда предвидеть, что молодая русская литература и не менее молодой ее представитель Пушкин столь быстро достигнут высот мировой классики. Однако именно зрелый Пушкин, вышедший из среды романтиков, стал родоначальником русской классической литературы XIX столетия, о мировом значении которой писалось и пишется множество работ. Им же созданы основные принципы русского классического реализма. И эти достижения, вопреки мысли Гёте («все остальное следует рассматривать лишь исторически»), имеют не преходящее, но именно мировое, вечное значение и вполне сопоставимы с классическими шедеврами античного мира и позднейших литературных эпох.

Характерно, что, говоря об этой уникальной культурной роли Пушкина, немецкий писатель XX в. Томас Манн назвал его «Гёте Востока»⁴². Эту параллель между Пушкиным и Гёте одним из первых провел в 1827 г. талантливый поэт и переводчик «Фауста» Д. В. Веневитинов. Разбирая сцену пушкинского «Бориса Годунова», он писал: «Эта сцена, поразительная по своей простоте и энергии, может быть смело поставлена наряду со всем, что есть лучшего у Шекспира и Гёте»⁴³. Тем самым Пушкин не только ставится рядом с Гёте, но и вводится в круг всемирно значимых европейских писателей.

Последующее творчество автора «Бориса Годунова» лишь подтвердило правоту суждения его молодого, рано умершего друга-романтика. В 1825 г. Баратынский так напутствовал Пушкина: «Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами»⁴⁴. Это и было выполнено, но, конечно, не одним только Пушкиным, а мощным напряжением всех отечественных культурных сил.

Таковы некоторые прямые и косвенные отклики русских романтиков на капитальную идею Гёте о мировой литературе. Понятно, что русский контекст, в котором следует читать эту идею, несравненно богаче.

⁴² Манн Т. Русская антология // В мире книг. 1975. № 6. С. 73.

⁴³ Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 165.

⁴⁴ Баратынский Е. А. Разума великолепный пир: О литературе и искусстве. М., 1981. С. 74.

Русские писатели второй половины XVIII — первой трети XIX в. постоянно размышляют о том, что их литература должна войти в круг европейских литератур, и о путях достижения этой желанной цели. Бросающаяся в глаза разногласия мнений на этот счет только свидетельствует о понимании всей важности проблемы.

Причем писатели разных эпох, направлений и политических воззрений жаждут одного: достижения молодой русской литературой мирового значения и деятельного участия ее в общеевропейском литературном процессе. Спор идет в основном о путях и средствах достижения этой цели. Ускоренное развитие отечественной литературы в конце XVIII — начале XIX в. свидетельствует о небывалом единстве русских писателей, сплотившихся для выполнения жизненно важной общенациональной культурной работы. В литературе эпохи романтизма происходят поистине революционные перемены, но откликаются на них русские писатели очень оригинально.

В 1834 г. И. В. Киреевский с грустью писал: «Русская литература известна во Франции почти столько ж, сколько персидская или татарская. И мысль, что ни одна тень нашей мысли, ни один звук нашего голоса не дойдут до народов образованных, — это тяжелая мысль, и кроме грусти она должна иметь еще другое вредное влияние на наших писателей. Литератор наш невольно стесняет круг своей умственной деятельности, думая о своих читателях, между тем как писатель французский при мысли о печатании расширяет свои понятия, ибо при каждом счастливом движении ума, при каждом чувстве поэтически-самобытном, при каждом слове удачно сказанном является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствие со всем, что в мире есть просвещенного и славного»⁴⁵.

Вывод романтиков В. Кюхельбекера, А. Бестужева, Д. Веневитинова и Пушкина, автора статьи с характерным названием «О ничтожестве литературы русской», один: «У нас нет литературы». А Чаадаев в своих «Философических письмах» доводит эту мысль до ее логического завершения. В свою очередь славянофилы, вступившие позднее в спор с Чаадаевым и другими «западниками», заявляли: «Литература наша — собрание чужих форм, разных отголосков, и только»⁴⁶. Это тот же лозунг «У нас нет литературы», только пришли к нему славянофилы другим путем, нежели Чаадаев.

Для столь печального вывода было в ту пору немало оснований. Но положение стремительно менялось, и вскоре произведения Пушкина, Гоголя, Жуковского, И. И. Козлова, В. Ф. Одоевского и других русских писателей стали известны в Европе и в свою очередь стали оказывать влияние на развитие мировой литературы, а русская литература была признана на Западе как самобытный культурный феномен, живущий по своим особым законам. И это следствие сознательного стремления и соединенных усилий всех русских писателей.

В этих условиях спор о том, есть ли в России литература, имеет совсем иное значение и направление. На самом деле речь идет совсем о другом: о том, обрела ли новая русская литература самобытность и мировое

⁴⁵ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 76.

⁴⁶ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 206.

значение. В споре этом отразилось развитие самосознания литературы. Недаром разговор, начавшийся в критике, постепенно переходит в сферу истории и теории литературы, только нарождавшихся в ту пору в России⁴⁷.

Споры о мировом значении русской литературы, вспыхнувшие в 30—40-х годах XIX в., помимо всего прочего, свидетельствуют, что, несмотря на определенные успехи популяризаторов и переводчиков, эта литература еще не получила должного распространения и понимания на Западе. Потребовалась огромная работа И. С. Тургенева и других русских и западноевропейских пропагандистов отечественной литературы, для того чтобы она стала наконец всем известным и доступным явлением мировой культуры. Произошло это во второй половине XIX столетия, когда появились Лев Толстой, Достоевский, Тургенев, а затем и Чехов. Тогда-то и пришло запоздалое западное признание к основоположникам русской классики — Пушкину и Гоголю. Тогда появились интересные документы вроде письма 1880 г. немецкого писателя Б. Ауэрбаха к И. С. Тургеневу о Пушкине, «чьи произведения, сохраняя национальную самобытность и своеобразие, должны быть причислены к той мировой литературе, которую возвестил Гёте»⁴⁸.

Однако русские писатели знали о мировом значении Пушкина задолго до Б. Ауэрбаха. Их споры о вхождении отечественной литературы в мировую — часть общей работы русского творческого самосознания. Благодаря этой работе отечественная литература обрела в первую треть XIX в. собственный путь к вершинам классики. Романтик В. Ф. Одоевский, чьи лучшие произведения уже в 30-е годы были переведены на немецкий и французский языки и заслужили одобрение Ф. фон Эязе, Кенига и французского писателя Альфреда де Виньи, писал в 1840 г.: «Мы ни на кого не похожи, и для нас нет данных, по которым бы, как в математическом уравнении, можно было определить наше неизвестное. . . Наше мнимое подражание было только школою, вышедши из которой, мы перегнали учителей»⁴⁹. Вся дальнейшая история русской классической литературы подтверждает правоту этого капитального вывода.

⁴⁷ См.: Возникновение русской науки о литературе. М., 1975.

⁴⁸ *Мушина И. Б.* Б. Ауэрбах и пушкинский праздник 1880 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 277.

⁴⁹ *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве. М., 1982. С. 62, 63.